

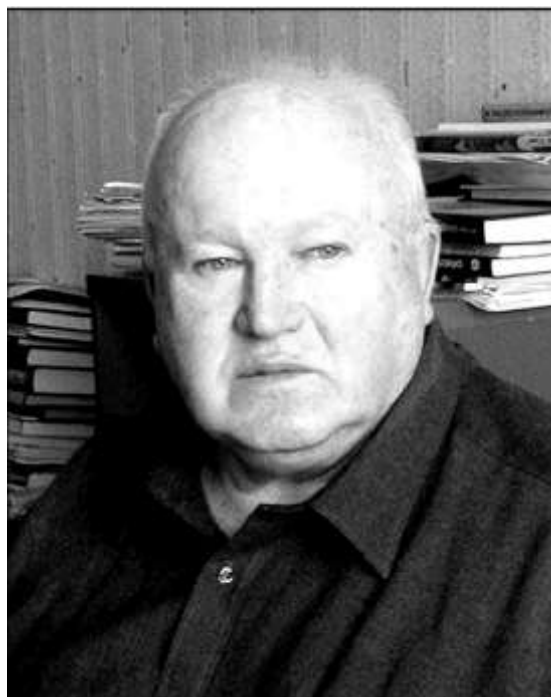
В ЧЕМ ОНО, «СВЯТОЕ НАШЕ ВОИНСТВО»?

О своих впечатлениях военных лет рассказывает крупный учёный-геолог, лауреат премии Правительства РФ академик Феликс Артемьевич Летников.

Девятое Мая — святой день для нас, детей войны. Когда началась война, мне было 7 лет, и провёл я эти грозные годы в самом пекле оккупации. Мы жили в Витебске, 22 июня отцу, а он был офицер, пришла повестка. Маме, члену партии, дали пять дней, чтобы она могла отвезти детей бабушке в деревню Хотинского района.

Первое впечатление. Едем в поезде, и перед Оршей нас настиг немецкий самолёт: эшелон стоит в степи, а самолёт заходит раз за разом и поливает из пулемета. Пассажиры, а это в основном женщины и дети, разбежались, кричат, а он стреляет. Я приподнялся, смотрю — вокруг раненые и убитые, а я уже понимал, что это сделал фашист, и во мне стала подниматься ярость. С тех пор, а я прожил большую и непростую жизнь, попадал в разные ситуации, но всегда у меня вместо страха появлялась ярость. Я стал грозить самолету кулачком. Мама кричит: «Ложись! Ложись!» А я встал во весь рост и поднял сжатые кулаки. После этого, конечно, получил пару оплеух, но навсегда запомнил это поле, лежащих женщин и детей, и паровоз, который судорожно гудел, как раненый зверь.

Следующая картинка в памяти: мама отвезла нас к бабушке в деревню. У папы было две сестры, Одарка с детьми жила у бабушки, другая сестра после тяжёлой операции лежала в больнице. Её двое детей и мы — здесь, в деревне. И вот такая картина — в воротах стоит бабушка с Ванькой, сыном Одарки, на руках, а перед ней молодой немец с автоматом. А вокруг мы — я, моя сестра и Володька. Немец тычет автоматом в грудь бабушки: «Мамка, млеко, мамка, яйко!». А Ваня (ему полтора-два года) хватается за дуло автомата и смеётся. Немец

бабушку отодвинул, прошёл по подворью, застрелил поросёнка, всех кур, связал их веревочкой и унёс. Бабушка от страха за нас умом тогда тронулась.

Потом — ещё встреча с немцами. У нас в деревне было два полицая, одному партизаны сказали: «Кого выдашь, тебе конец». А тут собрали нас, ребяташек, человек 15, каждому дали по конфетке. Впереди картофельные рядки уходят вдаль, а дальше глинище, где глину добывали для кирпичей. Пьяный полицай и пьяный немец говорят: «Вам дали по конфетке, а теперь бегите, считаем до десяти и начинаем стрелять, кто останется жив, тому повезло». Я бегу, что есть сил, рядом в каждом рядке — сестра и другие ребята, все бежим как в последний раз. А немцы хохочут, потом начали стрелять... К счастью, пьяные, ни в кого не попали, а мы в глинищах спрятались и ни за что нас оттуда родные вытащить не могли. С тех пор немецкую речь слышать не могу, ездил по всем странам, и здесь в институте много принимали делегаций, но я с немцами дела старался не иметь.

Никогда не забуду 41-й год. Мама привезла нас в коротких штанишках, а уже сентябрь на дворе. Я, помню, зарылся в стог соломы, читаю хрестоматию для 8-го класса (отрывок из «Войны и мира», где Петя в разведку пошёл) и плачу.

Рядом с нашей деревней была река, а дальше — партизанский край. Когда Красная Армия подходила, немцы решили дотла выжечь все селения. Партизаны понимали, что надо людей спасать. Ночью нас разбудили — и в повозки, запряженные коровами (в войну корова была большая ценность, на них и пахали, и возили). Дядя Кузьма в партизанах был и пришёл за нами. Надо было быстро пересечь шоссе. Мы успели до прихода немцев и подошли к реке. Все мосты сожжены, но наброшены брёвна и доски, по которым могли бы пройти телеги.

И вот мы в отряде. Партизаны заняты своим делом, а мы начали обживатьсь — построили шалаши из тонких деревьев, укрыли ветками. Хорошо, что у нас была корова и телёнок — все пропитание, но их надо было охранять. Ребята постарше обзавелись румынскими винтовками (их партизаны выбрасывали) и встали на защиту нашего имущества.

Самое страшное — немцы подошли и из легких минометов начали стрелять по нашему стану. А во мне после Орши вместо страха — ярость. Такая ярость закипала — разорвал бы при встрече, но у меня оружия не было. Главное тогда было — спасти корову и телёнка, вглубь леса загнать. И вдруг слышим: «Ура! Ура!» — это части Красной Армии подошли! Радость необыкновенная! Митинг! Наше и другие сёла освободили, но многие дома сожгли. Помню, въезжаем в свое село, справа речушка, а слева кузня, она цела, дальше два дома сгорело, поворачиваем на нашу улицу — через один дома горели, но наш, к счастью, цел, правда, всё в нем разорено.

При немцах худое было житьё. Правда, первые войсковые соединения не особенно зверствовали. Немцы школу организовали, где учили трём языкам — немецкому, русскому и белорусскому. А потом пошли каратели — всех евреев, комсомольцев вылавливали и расстреливали, бесчинствовали. Я в пять лет научился читать, но в школу немецкую идти не хотел, тётя Одарка ругала, однажды на спине принесла туда. Учился шаляй-валяй. Мой друг Сережка мои интересы разделял, и мы вместе при любой возможности линяли с уроков. Кстати, это его отца назначили старостой, но он работал под приглядом партизан.

Помню: немцы вокруг, родителей нет. Денег не было. Тетя Одарка взяла шмат сала, яиц и пешком отправилась в Костюковичи за сестрой, которую надо было забирать из больницы. Мы остались одни. Баба Зина говорит: «Кормить мне вас нечем, идите по дворам и просите Христа ради, люди добрые подадут». Мы с младшей сестренкой пошли побираться. Ходили день, два, три. Люди в основном подавали, один полицай, правда, собаку натравил, я отбивался. У меня, как у собаки, выработалось чувство — поднимаю глаза, смотрю и сразу понимаю, подаст или не подаст. И это чувство тоже осталось на всю жизнь — этот не подаст! Внутренний голос увещевает: «Ну что ты, может он хороший». Но я никогда не ошибался.

Вспоминаю слова Энгельса: «Сито войн и революций человеческое общество просеивает и остаётся самое худшее». И вот пример — когда Красная Армия пришла, они первым делом повесили нашего полицая Миронова, отца моего друга. Люди кричали: «Это наш человек, он поставлен партизанами». А пьяный красный офицер, крича: «Пока вы тут с бабами на печке сидели, мы воевали!» — отправил на передовую партизанский батальон. Его бросили в бой без арт-подготовки и почти все погибли, и мой двоюродный дядя 18-ти лет, разведчик, красавец, тоже. А ведь Минск освободили именно партизанские отряды.

Отец погиб в 1943, а мама, когда возвратилась из деревни в Витебск, пришла в партком: «Как член партии чем буду полезна?». Направили её политруком в санитарный отряд. Родственница потом рассказывала, что, когда мама перевозила раненых через Волгу, их разбомбили, и мама в холодной воде спасала, кого могла. Потом воспаление лёгких, астма. И когда Красная Армия освободила наш район, она отпросилась из госпиталя и поехала нас искать, не надеясь застать в живых. Помню, помылся в бане, иду. У нашего дома женщины стоят, кто-то говорит: «Ты что проходишь, мать же рядом стоит». Смотрю — женщина незнакомая в военной форме на меня смотрит удивлённо — столько лет прошло, и каких лет! Мама демобилизовалась, нас подняла, выходила.

В войну насмотрелся на всё и хочу выделить главное — сплочённость народа, взаимопомощь. Нас, маленьких, сколько раз, рискуя жизнью, спасали и от

голода уберегли, хоть одну бульбу (а другого и не было), но подавали. Народ был сплочён, и партизанское движение опиралось на людей.

Потом мама работала в редакции в Костюковичах. Я читал бегло, а математика — ноль, правописание — ноль. Мудрая мама, которая сама сформировалась в большой семье именно на чтении книг, прибегала из издательства (вечно некогда), открывала Куприна, очерчивала часть текста: «Переписывай». Я сопротивлялся, хотел играть, но у неё был широкий офицерский ремень. Полгода плакал, переписывая, и русский правильный язык вошёл в мою кровь. Когда повзрослел, закончил техникум, все отчёты лучше всех писал. Легко пишу статьи, книги и даже стихи.

Сейчас диктую вторую свою книгу «Байки и беседы у вечернего костра» и вспоминаю, какие люди меня в институте окружали: и Флоренсов, и Солоненко, и Одинцов, и многие другие талантливейшие, интеллигентные. Причём с Мих-Михом, как все звали Одинцова, иногда ссорился, но уважение не убавлялось ничуть. Как-то накануне Дня победы Мих-Мих вызвал меня и велел делать газету: «Вы же фронтовик». «Ну, какой же я фронтовик», — отвечаю. «Но писать умеете. Личные дела посмотрите в отделе кадров». И тут выяснилось: в институте были настоящие фронтовики, такие, например, как Сергей Федорович Павлов. Он никогда о своих победах особо не распространялся, а как-то пришлось в командировке в одной комнате жить, и я многое о нем узнал. Воевал он в десантных войсках сапёром. Самое сильное впечатление: «На Карельском перешейке выбрасывали нас через бомболуки, а он узкий, и когда на тебе парашюты и автомат, да и внизу не знаешь, что ждёт, холодок пронизывает. Погибло много ребят тогда». Когда Мих-Мих уходил, он рекомендовал Сергея Федоровича Павлова в директора института, а Президиум ВСНЦ СО РАН — Николая Алексеевича Логачёва. Институт сильно промахнулся. Логачёв занимался рифтом, а Павлов — Сибирской платформой, алмазами. Мы ушли с платформы и много потеряли.

Были в институте, кроме Сергея Федоровича, и другие настоящие фронтовики, но были и такие как заместитель директора Драгилев, который приписал себе участие в боевых действиях и даже ордена. А из КГБ нам сообщили, что он не был на фронте. Драгилев — к Мих-Миху. Мы поспорили, я сказал: если докажет на партсобрании обратное, я извинюсь. Тогда Павлов встал на мою защиту. Драгилева убрали из института.

В 1-м отделе был человек весь в орденах. Посмотрел его дело — он прошёл войну в военном трибунале, и за каждого десятого расстрелянного им давали медали.

Отголоски войны до сих пор сидят в нас. Мне скоро 80 лет. Вспоминаю — идёт по белорусской деревне учитель, врач — все шапки снимают, кланяются. Уважали интеллигенцию, в отличие от сегодняшнего времени. Мама честная

была, не раз в своей газете взяточников, подлецов разоблачала, а когда грозили ей, говорила: «Я не боюсь, я фронтовик». И мы воспитывались так, по правде, по совести.

В Москве прошёл суровую проверку в лихие 90-е, был организатором РФФИ, шесть лет там работал и по научным школам, по президентским грантам экспертом был. Все знали мою честность, принципиальность. Некий чиновник предложил: «Отдайте нам Нескучный сад, и мы поставим там коттеджи, яхты. И вы внакладе не останетесь». А у меня закипает ярость. Говорю: «Если вы не боитесь боли, пойдёте в укромное место, я отрежу у вас причинное место, чтобы вы не давали потомства». Долго потом по Москве слухи ходили, как академик Летников Нескучный сад защищал.

Когда работал на практике, в шахте народ разный встречался. Как-то трое остановили: «Ну что, геолог, прощайся с жизнью, мы тебя в карты проиграли». И что спасло — выработка была рядом неглубокая, а у меня геологический молоток на длинной ручке. Махнул широко, и нет никого — в выработку все попадали.

В войну погибли лучшие, XX век — это черный век русской интеллигенции: японская война, Столыпин, Первая Мировая, Вторая, революция просеяли её основательно. Надежда на новое поколение.

Учёные раскрыли русскую загадку: русские возрождались каждый раз потому, что женщины русские — носители лучшего, нравственности. А интеллигенция — это самое лучшее, что общество рождает.

Под конец хочется привести стихи Окуджавы:

Честность, благородство и достоинство —

Вот оно святое наше воинство.

Протяни ему свою ладонь,

За него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен,

Посвяти ему свой краткий век,

Может, и не станешь победителем,

Но зато умрёшь как человек.

Беседовала Галина Киселёва

Источник:

В чем оно, «святое наше воинство»? // [Наука в Сибири](#). – 2014. – N 19. – С.8.